

Д. Е. Сорокин¹

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: БЛАГО ИЛИ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ?

Переход к цифровой экономике трактуется с точки зрения качественного изменения способа функционирования общественных производительных сил, порождающих цивилизационный сдвиг. Обосновывается необходимость адекватного требованиям цифровой экономики изменения системы организационно-экономического управления, сопряжения программ цифровизации с переходом к новому технологическому укладу и создания системы экономической заинтересованности субъектов хозяйствования и работников в осуществлении соответствующих мероприятий.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цивилизационный сдвиг, организационно-управленческая система, технологическое перевооружение, экономический интерес.

УДК 332.354

Сформулированное в середине 1990-х гг. американским информатиком Николасом Негропonte понятие цифровой экономики как особой отрасли, производящей разнообразные информационные продукты в электронном виде, ныне трактуется гораздо шире. Многие указывают на то, что информационные технологии, проникая во все сферы создания, распределения, обмена и потребления реальных и виртуальных благ, влекут за собой качественное изменение способа функционирования производительных сил. Суть этого процесса в том, что логика взаимодействия вещественных элементов производительных сил (как в технологическом, так и в организационном плане) все чаще определяется не людьми, а все более интеллектуализирующимися, способными к самообучению информационными системами (интернет вещей). Более того, это взаимодействие начинает выходить за пределы отдельного хозяйствующего субъекта, постепенно включая в единое информационное пространство весь процесс общественно-го воспроизводства. Одновременно информационные технологии выходят за пределы собственно экономики и проникают во все сферы общественной и частной жизни, придавая им некое новое бытие. Именно такое понимание цифровой экономики как цивилизационного явления нашло отражение в выступлении В. Путина на экономическом форуме в Санкт-Петербурге (2017 г.): «Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а, следовательно, *задаёт новую парадигму развития государства, экономики и всего общества*» (курсив мой – Д. С.).

¹ Дмитрий Евгеньевич Сорокин, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

Понятно, что такого рода процессы не могли остаться вне сферы внимания обществоведческих наук, в рамках которых развернулась дискуссия о содержании и социально-экономических последствиях этого явления. В принципе, ясно, что новая реальность, формируемая цифровой экономикой, с одной стороны, создает потенциал для общественного прогресса, с другой – порождает определенные риски (угрозы). В этой связи для обществоведческих наук возникает двоякая задача: выявление возможностей, механизмов использования новой реальности в интересах общественного прогресса, а также рисков (угроз), которые несет эта новая реальность для социума, и предложений по их нейтрализации.

С большой долей вероятности можно предположить, что социумы, которые смогут «освоить» порождаемый цифровыми технологиями цивилизационный сдвиг, использовать его в собственных интересах, получают статус субъектов, определяющих конструкцию нового мира. В свою очередь, социумы, «выпавшие» из процесса, неизбежно превратятся в ресурсный потенциал для будущих полюсов развития. В этой связи у России нет альтернативы: в силу геополитических реалий, исторически сложившихся с момента ее образования как единого государства, она может сохранять свою целостность, лишь оставаясь одним из мировых центров силы. Представляется, что освоение возможностей, порождаемых цифровой экономикой, позволит России войти в группу стран-лидеров, уйдя с траектории догоняющего развития. Для реализации такого сценария необходимо обеспечить выполнение ряда условий.

Первое связано с пониманием того, что цифровизация экономики предполагает изменение организационно-экономических связей и процессов в каждом ее звене, каждом хозяйствующем субъекте и экономике в целом. Речь идет не просто о передаче тех или иных организационно-управленческих функций от человека к информационным системам, а об изменении самого содержания этих функций. Определенным аналогом (и уроком) здесь может служить история внедрения автоматизированных систем управления (АСУ), начавшаяся с середины 1960-х гг. По сути, отсюда можно отмерять время начала перехода к цифровой экономике. Однако, как известно, надежды на более эффективное экономическое развитие при переходе к АСУ не оправдались. Фундаментальная причина заключалась в том, что автоматизировались сложившиеся организационно-управленческие функции, в то время как АСУ требовали реформирования самой организационно-управленческой системы. При цифровизации экономики как в масштабах конкретного хозяйствующего субъекта, так и экономики в целом необходимо до начала «оцифровки» ясно представлять себе, как должна измениться логика организационно-управленческой системы, процесса принятия управленческих решений и т. п. при переходе к интернету вещей, где логику действий будут во все большей степени определять интеллектуальные и самообучающиеся информационные системы. Процессы оцифровки и организационно-управленческие изменения должны сопрягаться во времени и пространстве. В противном случае может возникнуть ситуация, когда сохранение традиционной организационно-управленческой системы, пусть и в оцифрованном виде, не только не принесет ожидаемых социально-экономических эффектов, но и создаст угрозу «выпадения» страны из формирующегося глобального информационного пространства.

Второе, на что следует обратить внимание, это производственно-экономический аспект перехода к цифровой экономике. Утвержденная в 2017 г. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. определяет, что «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства

являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность различных форм производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Вместе с тем необходимо понимать, что само по себе оцифрование производственных процессов не ведет к автоматическому росту эффективности производства. Последняя определяется прежде всего состоянием материально-технологической базы экономики.² Так, оцифровка скоростного поезда «Сапсан» и соответствующего участка пути может способствовать предоставлению новых «виртуальных» услуг его пассажирам и повышению безопасности, но не сократит время движения, если рельсовый путь останется рассчитанным на обычные железнодорожные составы. Прорыв здесь может произойти лишь при переходе к принципиально новым технологическим решениям задачи перемещения грузовых и пассажирских потоков (например, к магнитно-левитационным технологиям).

С учетом состояния материально-технологической базы российской экономики этот аспект проблемы сегодня особенно важен. В конце прошлого десятилетия на основе проведенного в Российской академии наук исследования был сделан вывод, что страны – технологические лидеры находятся в пятом технологическом укладе с элементами шестого, в то время как российская экономика характеризуется четвертым технологическим укладом с элементами пятого.³ Напомним, что этот вывод был сделан, несмотря на то что еще в 2000 г. в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу было заявлено, что к 2007–2010 гг. «будут созданы научно-технические и производственные предпосылки для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства». Однако, несмотря на целый ряд организационно-экономических мер в этой области, доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, за прошедший период осталась на недопустимо низком уровне.⁴ Принятая в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. поставила задачу доведения этого показателя до 40...50 %, что соответствовало ситуации в странах – технологических лидерах. В принятой в 2011 г. Стратегии инновационного развития России цель определена по «нижней планке» Концепции – 40 % (видимо, исходя из складывающихся реалий). Однако те же реалии привели к тому, что в утвержденной двумя годами позже Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» показатель был уменьшен до 25 %. Тем не менее, ныне и он представляется недостижимым: по итогам 2016 г. доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, осталась на уровне 2000 г. – 9,2 %.

Нынешние реалии российской экономики не позволяют обеспечить необходимые темпы ее роста, кроме как за счет повышения производительности труда. Отсюда

² Еще К. Маркс отмечал, что «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (*Маркс, К.* Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191).

³ См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН. Т. 79, № 3. 2009. Март.

⁴ В 2000 г. – 10,6 %, в 2010 г. – 9,3 % (здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата).

задача, поставленная в Послании Президента России Федеральному собранию (2018 г.), – обеспечить рост производительности труда «на средних и крупных предприятиях базовых отраслей (это промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство и торговля) ... темпами не ниже 5 процентов в год». Между тем, с учетом складывающихся трендов в этой области без технологического перевооружения соответствующих отраслей эта задача представляется невыполнимой (см. таблицу).

Именно поэтому в Послании Президента России Федеральному собранию отмечено, что «инвестиции должны пойти прежде всего на модернизацию и технологическое перевооружение производств, обновление промышленности. Нам нужно... выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения».

Таким образом, программы цифровизации как экономики в целом, так и хозяйствующих субъектов должны быть сопряжены с программами технологического перевооружения. При этом важно, чтобы переход к цифровой экономике не сводился к оцифровыванию имеющейся технологической базы, по существу, консервируя технологическое отставание. Чтобы избежать этой угрозы, целевыми должны быть показатели не оцифровки, а производственно-экономической эффективности производства. Сами же цифровые технологии должны рассматриваться как инструменты для роста такой эффективности.

Наконец, третьим важным фактором успеха является создание системы заинтересованности в осуществлении программ цифровизации и субъектов хозяйствования, и работников. Об этом, в частности, говорит опыт перехода предприятий к инновационным факторам роста. В Стратегии инновационного развития России прямо отмечалось, что ключевой проблемой отсутствия должного уровня инновационной активности «является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций», тормозя тем самым технологическое перевооружение экономики. Отсутствие экономического интереса хозяйствующего субъекта к использова-

Среднегодовые темпы прироста производительности труда в 2010 – 2016 гг., %

Экономика в целом		1,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		3,0
Промышленность	Добыча полезных ископаемых	1,6
	Обрабатывающие производства	2,4
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,2
Строительство		- 0,1
Транспорт и связь		1,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования		- 0,2

нию цифровых технологий вкупе с технологическим перевооружением исключает реальные подвижки в этом направлении. В свою очередь, незаинтересованность работников, осуществляющих трудовые функции в рамках хозяйствующего субъекта, перед которым поставлена задача перехода к цифровым технологиям, неизбежно приведет к скрытому сопротивлению, с которым сталкивается всякое новшество, особенно когда призывы к переходу к цифровой экономике сопровождаются прогнозами о появлении в результате сотен тысяч «лишних» людей.

Таковы исходные предпосылки для предотвращения угрозы «выпадения» России из цивилизационного процесса, порождаемого переходом к цифровой экономике.

D. E. Sorokin. Digital economy: a blessing or a threat to Russia's national security? In the article the transition to a digital economy is interpreted in terms of a qualitative change in the method of functioning of the public produced force that produces a civilizational shift. In this regard, the justifies the need to meet the adequate requirements of the digital economy changes the system of organizational-economic management, the integration of two programs of digitalization with the transition to new technological structure and the establishment of a system of economic interests of economic entities and employees in the implementation of relevant activities.

Keywords: digital economy, digitalization, civilizational shift, organizational and managerial system, technological rearmament, economic interest.